

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

Vol. 35, Is. 1, pp. 152-158, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 63.3(0)6

Prisoners of War of the Triple Alliance within Kazakhstan

¹ Gulzhaukhar K. Kokebayeva

² Nurzipa K. Alpysbayeva

³ Shotbek T. Bulgauov

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

71, al-Farabi avenue, Almaty 050038

¹ Dr. (History), Professor

E-mail: kokebayeva@mail.ru

² PhD (History), Associate Professor

E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ PhD (History), Senior Lecturer

E-mail: bulgauov.sh@mail.ru

Abstract

The work studies the problem of the detention of prisoners of war of the Triple Alliance in the camps, located within Kazakhstan. During the first months of war, the Russian authorities treated the prisoners of war in accordance with 'Convention on the Treatment of the Prisoners of War', approved by the Emperor of Russia. The content of this document corresponded to the Hague Convention with Respect to the Laws and Customs of War on Land. The major areas of the detention of prisoners of war were Turkestan and Omsk Military Okrug, combining all military institutions of the Steppe Governorate General, including the ones of North-Eastern and Central Kazakhstan. The source base of the research is the materials of Kazakhstan and German archives, the recollections of the former prisoners of war and the published collections of documents and materials.

Keywords: prisoners of the World War I; the Hague Convention; detention; the Triple Alliance; Turkestan; camp; Red Cross Society; National Committee for Prisoner of War Affairs.

Введение

Идеи французской революции о свободе, равенстве и братстве, учение просветителей, великие научные открытия, словом все многовековые достижения человеческого ума не смогли предотвратить две мировые войны, которые произошли всего за несколько десятилетий. Обе мировые войны были катастрофами в том смысле, что одна из них, а именно первая мировая война обнажила кризисные явления в существующей европейской цивилизации, а вторая война была завершающим этапом в развитии и углублении этого кризиса. Изучение таких грандиозных явлений, как мировые войны, никогда не может считаться завершенным. Если даже из архивных тайников будет извлечен последний документ, раскрывающий еще не изученный аспект этих событий, все равно остаются вопросы, требующие исторического осмысления, объяснения и анализа.

Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются материалы казахстанских и германских архивов, воспоминания бывших военнопленных, а также опубликованные сборники документов и материалов. При изучении общемировых аспектов исследуемой проблемы использована концепция о многообразности и альтернативности исторической реальности. Современный этап развития мировой истории представляет собой весь исторический опыт, накопленный человечеством, разнообразные пути и формы общественного развития и позволяет понять место, направленность и

смысл исторических событий, целостность и взаимозависимость мирового исторического процесса. При проведении исследований применялись известные философские методы, как предположение и опровержение; общие научные методы, как анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, индукция, дедукция и аналогия, также и специфические методы исторической науки, как принцип историзма.

Обсуждение

В изучении проблемы истории военнопленных первой мировой войны можно выделить два периода: советский и постсоветский. В первый период были изучены только некоторые аспекты этой проблемы, в частности, участие военнопленных в революционных событиях и гражданской войне в России, в восстановлении и развитии экономики, в общественной и культурной жизни Советской страны. В постсоветский период в России началось интенсивное изучение исследуемой проблемы, условия содержания и трудоустройство военнопленных в лагерях России отражены в основном в отдельных статьях и диссертациях. Более крупные исследования представлены работами, посвященными изучению вопросов размещения и условия содержания военнопленных в регионах России. История военнопленных Центральных держав интенсивно разрабатывается западными исследователями. Крупномасштабное исследование истории военнопленных первой мировой войны представлено в работе австрийских ученых Х. Ляйдингера и И. Морица. На основе анализа обширного документального материала авторам удалось раскрыть проблему военного плена в контексте кардинальных изменений, происходивших в Европе в первые послевоенные годы [1]. История содержания австро-венгерских и немецких военнопленных в России и создания воинских частей из военнопленных представлены в работе Р.Нахтигала [2]. Изучением истории военнопленных армии Центральных держав в России занимается немецкий ученый Г. Вурцер [3]. В работе дается подробное описание жизни военнопленных в лагерях: условия содержания, трудоустройство, духовная жизнь, отправление религиозных обрядов, проверка лагерей представителями Красного Креста.

Результаты

В период первой мировой войны в России содержались 2 322 378 военнопленных армий Центральных держав, из них 2 082 немецких офицеров и 165 000 солдат, 54 146 австро-венгерских офицеров и 2 050 000 солдат, 950 турецких офицеров и 50 000 солдат, 200 болгарских офицеров и солдат [4, с.106; 5, с.8].

Обращение российских властей с военнопленными в первые месяцы войны определялось «Положением о военнопленных», утвержденным императором России в 1904 году. 7 октября 1914 года император утвердил новое «Положение о военнопленных». Содержание этого документа в основном соответствовало II-главе Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны, подписанной 42 государствами 18 октября 1907 года. Согласно конвенции, военнопленные находятся во власти неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен, требуется гуманное отношение к ним. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью. Заключение их в лагере или каком-нибудь другом месте применяется лишь как необходимая мера обеспечения безопасности и исключительно пока существуют обстоятельства, вызывающие эту меру. Государство может привлекать военнопленных к работам в соответствии с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны иметь никакого отношения к военным действиям. Содержание военнопленных возлагается на правительство, во власти которого они находятся. Если между воюющими не заключено особое соглашение, то военнопленные пользуются такой же пищей, помещением и одеждой, как войска правительства, взявшего их в плен. Военнопленные офицеры получают оклад, на который имеют право офицеры того же ранга государства, где они задержаны, под условием возмещения этих расходов их правительством. Военнопленному предоставляется полная свобода отправления религиозных обрядов. Каждый военнопленный обязан объявить свое настоящее имя и чин, и в случае нарушения этих правил он подвергается ограничению тех преимуществ, предоставленных Конвенцией пленным его разряда. Военнопленные подчиняются законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии государства, во власти которого они находятся, всякое неповиновение с их стороны дает право на применение к ним необходимых мер строгости. С открытия военных действий в каждом из воюющих государств, а также и в нейтральных государствах в том случае, если они приняли на свою территорию воюющих, учреждается справочное бюро о военнопленных. Бюро составляет именную карточку о каждом военнопленном, где указываются номер, имя, фамилия, возраст, место происхождения, чин, войсковая часть, день и место взятия в плен, получения ран и смерти, место заключения, а также особые сведения. Именная карточка передается правительству другого воюющего после подписания мира. По заключении мира отправка военнопленных на родину должна быть произведена в возможно близкий срок. В 25-статье третьей главы Конвенции указывалось, что обязанности воюющих сторон по уходу за больными и ранеными определяются Женевской конвенцией об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 6 июля 1906 года. Были и некоторые

расхождения между Гаагской конвенцией и «Положением о военнопленных». Например, согласно статье 6 Гаагской конвенции труд военнопленных оплачивается по расчету цен, существующему для чинов местной армии за исполнение тех же работ, а если такого расчета нет, то по ценам, соответственным произведенным работам, заработок пленных назначается на улучшение их положения, а остаток выдается им при освобождении, за вычетом расходов по их содержанию. А в пункте 13 «Положения о военнопленных» указывалось, что производимые военнопленными работы оплате вознаграждением не подлежат.

В начальный период войны ни Россия, ни Германия и Австро-Венгрия не были готовы к принятию такого большого числа военнопленных. Российское правительство решило размещать военнопленных на территории к востоку от Урала. Основными транзитными пунктами пересылки военнопленных на восток стали Оренбург, Самара и Екатеринбург. Основным районом размещения военнопленных стали Туркестан и Омский военный округ, в состав которого входили все военные учреждения Степного генерал-губернаторства, в том числе Северо-Восточного и Центрального Казахстана. В Томске, Кургане, Барнауле, Ақмолинске, Петропавловске, Семипалатинске, Павлодаре и других городах военнопленных размещали на частных квартирах. Так, 27 августа 1914 года Ақмолинский губернатор отправил Степному генерал-губернатору телеграмму о том, что в Ақмолинске подготовлены квартиры для размещения 120 военнопленных, телеграммы аналогичного содержания были отправлены из Петропавловска и Омска. Но количество военнопленных быстро увеличивалось, в апреле 1915 года в Омском военном округе было 130 477 военнопленных и 3 029 военнообязанных (гражданских пленных), из них 12 773 – немцы, 12 197 – венгры, 89 015 – славяне, 12 836 – румыны, 2 346 – итальянцы, 347 – турки, 827 – евреи, 38 – эльзас-лотарингцы, 95 – боснийцы и герцоговинцы, 3 – армяне, 1 – грек [6].

8 сентября 1914 года начальниками военных гарнизонов сибирских и североказахстанских городов была получена инструкция от штаба войск Омского военного округа следующего содержания: «Военнопленные прибывают в таком большом количестве, что приходится размещать их тесно. Необходимо соблюдать, чтобы такие условия размещения не повлекли за собою усиленных заболевания и чтобы военнопленные не подвергались бы лишениям, не вызываемых необходимостью. Поэтому приказываю: 1) надблюдности за надлежащим размещением военнопленных в возможно удобных по местным обстоятельствам условиях; 2) установить в отношении военнопленных надлежащий санитарный надзор; 3) надблюдности, чтобы они были снабжены необходимою одеждою и бельем; 4) иметь постоянное надблюдение за добросовестностью пищи, приготовляемой для военнопленных; 5) отправлять их в баню не менее 2 раз в месяц; 6) вообще жизнь пленных по возможности обставить применительно к жизни частей русских войск» [7].

Летом 1915 года началось строительство лагерей и в других местах размещения военнопленных. К 1917 году в России всего насчитывалось более 400 лагерей для военнопленных, в том числе в Омском военном округе – 28, Иркутском – 30, Петропавловском – 15, Туркестанском – 30, Московском – 128, Казанском – 113. В Туркестане находились около 200 000 военнопленных, из них 82 425 австрийских и 3 812 германских пленных содержались в 25 лагерях, находящихся в разных частях Туркестана [8, с.48]. Как отмечает медсестра Э.Брендштрём, побывавшая в лагерях военнопленных в Сибири и Туркестане, у местного населения военнопленные находили доброту и сердечность, пленным тоже был интересен имеющий многовековую историю Туркестан с его уникальной восточной культурой.

По «Положению о военнопленных» предусматривалось учреждение справочного бюро о военнопленных при Российском Обществе Красного Креста, состоящем под покровительством государыни Марии Федоровны. Все списки военнопленных, составленные в соответствии с требованиями, изложенными в 15-м приложении Гаагской конвенции, направлялись в Петроград, в Центральное справочное бюро о военнопленных [9]. Общества Красного Креста воюющих стран обменивались списками военнопленных, а также разыскивали пропавших без вести военнослужащих. В Центральном государственном архиве Республики Казахстан хранится документ на немецком языке, содержащий обращение к военнопленным с просьбой ознакомиться со списком 502 немецких военнослужащих, пропавших без вести и сообщить сведения о них в Справочное бюро в Падерборне [10]. Общества Красного Креста Германии, Австрии и нейтральных стран посещали лагеря военнопленных, проверяли их санитарное состояние, оказывали помощь военнопленным. В апреле 1915 года Американское Общество Красного Креста выделило 15000 рублей для покупки одежды и улучшения санитарного обслуживания военнопленных. Представитель этой организации Р.А.Берр просил Командующего войсками Омского военного округа «упомянутую сумму употребить на пользу военнопленных, не взирая на национальность». В июне 1915 года по просьбе посольств США и Великобритании в Петрограде военным министерством России было дано разрешение представителю северо-американской филантропической организации «Международное Христианское общество» объездить лагеря, где размещались германские и австро-венгерские военнопленные. Отзывы по результатам проверки положения военнопленных в городах Курган, Петропавловск, Омск, Новониколаевск и Томск оказались весьма положительными [11].

Военнопленные содержались при местных войсках в виде команды. Команды военнопленных при войсках касательно общего благоустройства и внутреннего порядка должны были содержаться на

тех же основаниях, как и местные части. По инструкции, утвержденной Командующим войсками Омского военного округа 11 мая 1915 года, наличный состав военнопленных каждого лагеря делился на роты с численностью 250 человек, по возможности одной национальности, в каждом бараке размещались по две роты; каждая рота делилась на четыре взвода, каждый из которых делится на четыре отделения; ротами и взводами руководили начальники, назначенные из ратников Государственного ополчения, они пользовались дисциплинарными правами; отделениями руководили пленные унтер-офицеры, которые не пользовались дисциплинарными правами; пленные офицеры и солдаты не могли носить погоны, петлицы, кокарды и др. знаки отличий.

За военнопленными, в особенности за офицерами, был установлен строгий надзор, за нарушение полагалось наказание, соответствующее законам военного времени. Военнопленным запрещалось подходить к железнодорожным линиям и вокзалам; виновных в нарушении этих правил отправляли в гауптвахты. Всем начальникам гарнизонов предписывали устанавливать особый надзор над немецкими офицерами. Однако отношение российских властей к военнопленным разных национальностей не было одинаковым. Всем нижестоящим инстанциям предписывалось более мягкое отношение к военнопленным славянского происхождения, выходцам из Эльзаса и Лотарингии, румынам и итальянцам. В телеграмме Главного управления Генерального Штаба к Командующему войсками Омского военного округа, отправленной 17 октября 1914 года из Петрограда, указывалось: «Ввиду особого характера настоящей войны и отношения к нам различных славянских народностей Военным Министерством по соглашению с Министерством Иностранных Дел выработан по отношению к военнопленным славянам всех национальностей, в том числе и полякам, как обнаруживающим дружественное тяготение к России, а равно и военнопленным эльзац-лотарингцам, ряд нижеследующих льготных мер, подлежащих ныне обязательному применению во всех пунктах постоянного квартирования военнопленных» [12].

Военнопленные славяне и эльзац-лотарингцы поселялись в более западных районах и теплых помещениях. Эти категории военнопленных освобождались от принудительных работ, их увольняли на оплачиваемые работы на частных хозяйствах. Попавшие в первые месяцы войны в Иркутский округ военнопленные славяне и эльзац-лотарингцы подлежали отправке в западные районы. Военнопленные славяне, оставшиеся в лагерях, в основном работали в канцелярии, кухне, госпитале, а в рабочих командах занимали руководящие посты.

В центральных городах России создавались различные общества по оказанию помощи славянским военнопленным. 30 октября 1914 года Министерство внутренних дел утвердило Устав Всероссийского попечительства о пленных славянах. Деятельность этого общества не ограничивалась организацией помощи военнопленным, его деятели участвовали и в пропагандистской работе среди пленных. Местные власти всячески старались культивировать среди военнопленных идею единения славянских народов. Пленные славяне также старались воспользоваться доброжелательностью органов власти и возбуждали перед областными организациями ходатайства о принятии их в русское подданство. Министерство внутренних дел постоянно переписывалось со Штабами военных округов об облегчении участи военнопленных славян. В письме к Командующему войсками Туркестанского военного округа от 30 августа 1915 года МВД, выражая недовольство по поводу неправильного обращения с военнопленными славянского происхождения, указывало также основные причины особого отношения к ним: «Главные недостатки следующие: славян не отделяют от немцев и мадьяр, их заставляют повиноваться их прежнему начальству... На жалобы и просьбы военнопленных славян подлежащие военные власти не обращают внимания. Причина обыкновенно в непонимании дела. Это лучше всего иллюстрируется случаем, бывшим в Омске, где расследование споров военнопленных славян с немцами было поручено офицеру-киргизу, который никак не мог понять сепаратистских стремлений славян, их ненависти к Австрии, их симпатии к России и объявил им: «Вы прежде всего австрийские офицеры и честь Австрии вам должна быть дорога» и т. д. ... Между тем дело можно бы при помощи военнопленных славянских интеллигентов, горячо преданных России, и русских общественных сил без лишней траты времени и денег организовать так, чтобы сохранить не только существующие уже симпатии военнопленных славян к России, но и развить среди сотен тысяч южных и западных славян, которые по тем или другим причинам относились до сих пор равнодушно или недружелюбно к России. Было бы грешно не использовать возможности воспитать в желательном для России духе сотни тысяч людей. ... Славянские симпатии к России и распространение русского культурного влияния на западных и южных славян имеет для России первостепенное значение. Это показывает пример настоящей войны, в которой при исключительно благоприятных для России условиях, когда все великие державы и даже Япония на нашей стороне, великая Россия нуждается в помощи маленьких балканских государств – Болгарии, Румынии, Греции. Вопрос о военнопленных славян, в особенности о русских галичанах, касается непосредственно Министерства Внутренних Дел ввиду предстоящего присоединения Карпатского Руси. Для внутренней политики России не безразлично, возвратятся ли военнопленные русские галичане на родину с окрепшими симпатиями к Русскому государству, или же разочарованные, оскорбленные в лучших своих чувствах» [13].

Однако отделение славянских военнопленных и размещение их в так называемых «более теплых» местах не всегда благоприятствовали созданию хороших условий для них. Так, славянский

лагерь Кара-Калла в Туркестане находился в знойной пустынной степи, военнопленные, чтобы попасть в этот лагерь, пешком преодолевали 100 км пути при пылающей жаре [14, с. 95]. По сведениям А. Эпштайна, полученным от пленных врачей, к концу 1915 года из 200 тыс. военнопленных в Туркестане погибли 22 тыс. от разных болезней [15, с. 17].

В лагерях не было возможности расселения военнопленных по национальностям. Размещение в одном бараке представителей разных национальностей затрудняло адаптацию пленных к лагерным условиям. Военнопленные неславянских национальностей объединялись в четыре группы: немцы-германцы, немцы-австрийцы, венгры и турки. Австрийцы были общительными и быстрее приспосабливались к условиям плена. Германцы отличались организованностью и хорошим чувством товарищества внутри группы. Венгерская группа держалась обособленно, большинство из них не говорили по-немецки и не общались с другими пленными. Самой малочисленной была турецкая группа, однако из-за плохой адаптации к суровому климату Сибири смертность среди них была выше, чем в других группах. Бывший военнопленный, писатель Эрвин Эрх Двингер отмечает большую поддержку, оказываемую местными мусульманами туркам: «Вчера мы были приглашены в гости турецкими офицерами. ...Они принимают наше боевое товарищество всерьез и торжественно, и их угощение бывает всегда обильным и по-восточному растягивается надолго. Благодаря их связям с русскими татарами, являющимися мусульманами, для них возможно многое, что недоступно для нас. Да, их религия является прочным мостом» [16, с. 227]. Чтобы разнообразить лагерную жизнь военнопленные создавали хоры, оркестры и театры, устраивали концерты, сочиняли юмористические стихи, диалоги и пантомимы. На самодельных сценах лагерных театров звучали известные оперетты, текст и музыка которых записывались военнопленными по памяти. Для создания театров выделяли отдельные бараки. С разрешения комендантов пленные получали русские газеты, некоторые важные газетные статьи переводились владеющими русским языком военнопленными и распространялись во всех бараках лагеря. В некоторых лагерях военнопленные сами издавали газеты, однако в связи с запрещением использования печатающих аппаратов, большинство газет расписывались от руки и снабжались рисунками пленных.

Приход большевиков к власти изменили правовое положение военнопленных. Советское правительство объявило всех военнопленных свободными гражданами и наделяло их такими же правами, какими обладали граждане Советской России. Вначале основная масса военнопленных с радостью восприняла свободу, дарованную советской властью. Бывший военнопленный Р. Кёстенбергер вспоминает, что военнопленные в Ташкенте, полностью изолированные от внешнего мира, в 1918 году приобрели долгожданную свободу, лагерь был расформирован, и каждый мог работать в городе свободно по своей специальности [17, с.10]. В некоторых лагерях в режиме содержания пленных не было особых изменений, видимо, отношение к военнопленным зависело от того, какая из противоборствующих сторон (большевики или их противники) имели в данном регионе наибольшее влияние.

Большевистская власть решила использовать военнопленных в осуществлении идеи мировой революции. С этой целью их втянули в политическую борьбу в России. В апреле 1918 года проходил Всероссийский съезд иностранных военнопленных, в котором приняли участие 400 представителей военнопленных из Сибири, Урала и Туркестана. На съезде был принят «Манифест ко всем военнопленным». В июле 1918 года в Ташкенте проходил митинг с участием военнопленных. Представитель советской власти выступил приветственной речью, обращался к военнопленным как к свободным гражданам, и выступавшие военнопленные выразили готовность защищать государство рабочих и крестьян. Военнопленным солдатам разрешалось ходить в городе без конвоя, участвовать в митингах и собраниях, организованных большевиками. В июле 1918 года Германская Главная комиссия по делам пленных сообщила народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину об обнаружении в среде немецких военнопленных листовок и литературы, призывающих рабочих зарубежных стран к мировой революции [18].

Заключение

Гражданская война ухудшила положение военнопленных. Кроме нехватки продовольствия военнопленные испытывали тяготы вследствие разделения некогда единого Российского государства на враждебные стороны. Военнопленные в европейской части России, находящиеся в сфере власти большевиков, подчинялись распоряжениям Центральной коллегии о пленных и беженцах. Военнопленные в Туркестане, Сибири и на Дальнем Востоке попеременно попадали под власть советского правительства, местных национальных правительств или различных белогвардейских правительств. При смене власти в этих регионах обязательно страдала какая-либо часть военнопленных.

Примечания

1. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für der Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1922. Wien - Köln - Weimar: Böhlau, 2003. 754 p.

2. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden: Verlag Greiner, 2003. 391 p.
3. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. – Göttingen: V. und R Unipress, 2005. 626 p.
4. Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 607 с.
5. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Von Elsa Brändström. Berlin, 1922.
6. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Лл. 2, 4-5, 114-120.
7. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 34.
8. Scharping K. In russischen Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. 119 p.
9. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.1282. Л.34; Ф.369. Оп.1. Д.1348. Л.94.
10. ЦГА РК. Ф.50. Оп.2. Д.15. Л.196.
11. ЦГА РК. Ф.64. Оп.1. Д.1282. Лл.105, 137, 171.
12. ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 39-41.
13. ЦГА РК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 320. Л. 2.
14. Cartellieri G. Hilfsplatz D7 vermisst. Erlebnisse eines Kriegsgefangenen Arztes. Karlsbad-Drahowitz; Leipzig, 1936. 94 p.
15. Kriegsgefangen in Turkestan. Erinnerungen von G. Popper und A. Epstein. Geschildert von A.Epstein. Wien: Im Selbstverlag, 1935. 58 p.
16. Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. – Jena, Diederichs, 1929. 306 p.
17. Köstenberger R. Sechs Jahre in Turkestan. – Graz: Verlag von Mosers Buchhandlung, 1923. 107 p.
18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), Botschaft Moskau 49, B 22 68/18.

References

1. Leidinger H., Moritz V. Gefangenschaft. Revolution. Heimkehr. Die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für der Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917-1922. Wien - Köln - Weimar: Böhlau, 2003. 754 p.
2. Nachtigal R. Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918. Remshalden: Verlag Greiner, 2003. 391 p.
3. Wurzer G. Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen: V. und R Unipress, 2005. 626 p.
4. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka: Poteri vooruzhennykh sil: statisticheskoe issledovanie. M.: OLMA-PRESS, 2001. 607 p.
5. Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien 1914-1920. Von Elsa Brändström. Berlin, 1922.
6. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. Ll. 2, 4-5, 114-120.
7. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. L. 34.
8. Scharping K. In russischen Gefangenschaft. Die kulturellen und wirtschaftlichen Leistungen der deutschen Kriegsgefangenen in Russland. Berlin, 1939. 119 p.
9. TSGA RK. F.64. Op.1. D.1282. L.34; F.369. Op.1. D.1348. L.94.
10. TSGA RK. F.50. Op.2. D.15. L.196.
11. TSGA RK. F.64. Op.1. D.1282. Ll.105, 137, 171.
12. TSGA RK. F. 64. Op. 1. D. 1282. L. 39-41.
13. TSGA RK. F. 41. Op. 1. D. 320. L. 2.
14. Cartellieri G. Hilfsplatz D7 vermisst. Erlebnisse eines Kriegsgefangenen Arztes. Karlsbad-Drahowitz; Leipzig, 1936. 94 p.
15. Kriegsgefangen in Turkestan. Erinnerungen von G. Popper und A. Epstein. Geschildert von A.Epstein. Wien: Im Selbstverlag, 1935. 58 p.
16. Dwinger E.E. Die Armee hinter Stacheldraht. Das sibirische Tagebuch. Jena, Diederichs, 1929. 306 p.
17. Köstenberger R. Sechs Jahre in Turkestan. – Graz: Verlag von Mosers Buchhandlung, 1923. 107 p.
18. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), Botschaft Moskau 49, B 22 68/18.

УДК 63.3(0)6

Военнопленные стран Тройственного Союза на территории Казахстана

¹ Гульжаухар Какеновна Кокебаева

² Нурзипа Кумишбаевна Алпысбаева

³ Шотбек Турсынбекович Булгауов

¹⁻³ Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

050038 Алматы, пр.аль-Фараби, 71

¹ Доктор исторических наук, профессор

E-mail: kokebayeva@mail.ru

² Кандидат исторических наук, доцент

E-mail: nurzipakz@mail.ru

³ Кандидат исторических наук, ст. преподаватель

E-mail: bulgauov.sh@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема содержания военнопленных стран Тройственного Союза в лагерях, расположенных на территории Казахстана. Обращение российских властей с военнопленными в первые месяцы войны определялось “Положением о военнопленных”, утвержденным императором России. Содержание этого документа в основном соответствовало Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны. Основным районом размещения военнопленных стали Туркестан и Омский военный округ, в состав которого входили все военные учреждения Степного генерал-губернаторства, в том числе Северо-Восточного и Центрального Казахстана. Источниковой базой исследования являются материалы казахстанских и германских архивов, воспоминания бывших военнопленных, а также опубликованные сборники документов и материалов.

Ключевые слова: военнопленные Первой мировой войны; Гаагская конвенция; размещение; Тройственный Союз; Туркестан; лагерь; Общество Красного Креста; Центральная Коллегия по делам военнопленных.